

РОССИЙСКИЙ
СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ IV

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2008

ББК 80
Р 88

Издается по поручению
Президента Российского союза германистов
А. В. Белобратова (Санкт-Петербург)

Редколлегия:

Н. С. Бабенко, А. В. Белобратов (отв. редакторы), *Н. А. Бакиш,*
А. И. Жеребин, Д. Кемпер, Н. В. Пестова, Л. Н. Полубояринова

Рецензенты:

д. ф. н. *Н. Н. Семенюк* (Институт языкознания РАН),
д. ф. н. *Е. А. Зачевский* (Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет)

Р 88

Русская германистика: Ежегодник Российского
союза германистов. Т. 4. — М.: Языки славянской
культуры, 2008. — 392 с.

ISBN 978-5-9551-0246-7

В настоящую книгу включены тексты докладов четвертой конференции Российского союза германистов «Центр и периферия в литературе, языке и науке», на которой были представлены исследования отечественных и зарубежных литературоведов и лингвистов. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам конференций, проводимых в рамках РСГ. Большая часть статей данного ежегодника отражает тематику, связанную с методологией изучения процессов и явлений в терминах центра и периферии как универсальных категорий. Ежегодник дает представление о современных взглядах на задачи и возможности «полевого» подхода в изучении языка и литературы.

ББК 80

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0246-7

© Авторы, 2008

© Языки славянской культуры, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 9

Литературоведение

<i>Н. Т. Рымафь.</i> Превращение периферии в центр: «рама» и «порог» как формы сюжетного развертывания 12	12
<i>А. И. Жеребин.</i> Эстетическая теория «швейцарцев» (опыт модернизации) 20	20
<i>А. Г. Березина.</i> Модерн и модернизм 28	28
<i>Hendrik Birus.</i> Der Leser Roman Jakobson — im Spannungsfeld von Formalismus, Hermeneutik und Poststrukturalismus 42	42
<i>Т. А. Федяева.</i> К проблеме канонических и неканонических форм сатиры 55	55
<i>Hans-Jörg Knobloch.</i> Literarischer Kanon und Entkanonisierung aus westlicher Sicht 64	64
<i>А. В. Ерохин.</i> Карл Филипп Мориц и Веймарский классицизм 73	73
<i>Е. А. Панкова.</i> Средневековый Нюрнберг как культурный центр в немецком романтическом дискурсе 82	82
<i>Е. В. Бурмистрова.</i> «Книга изречений» как центр цикла «Западно-восточный диван» И. В. Гёте 91	91
<i>M. Durzak.</i> Zentrum und Peripherie in der deutschen Literatur des frühen 19. Jahrhunderts. Am Beispiel von Johann Peter Hebels Kalendergeschichten 98	98
<i>Г. В. Стадников.</i> У истоков русской германистики (к 200-летию со дня рождения Степана Петровича Шевырева) 108	108
<i>А. С. Бакалов.</i> Литературные альманахи в культурном пространстве Германии классико-романтической эпохи 116	116
<i>О. Б. Кафанова.</i> Немецкоязычная литература на страницах томской периодики XIX — начала XX веков 125	125
<i>А. Н. Полубояринова.</i> Немецкая провинция французской метрополии? К вопросу об историко-литературной оценке Стефана Георге и поэтов его круга 135	135
<i>Н. С. Павлова.</i> Об одной «периферийной фигуре» в «Охранной грамоте»: Рильке и Пастернак 145	145
<i>Н. В. Пестова.</i> В тени истории литературы: «poetae minores» немецкого экспрессионизма 156	156
<i>В. Г. Зусман.</i> Немецкоязычная Прага как литературная столица 165	165
<i>Н. А. Бакиш.</i> Центр и периферия в романах Отто Ф. Вальтера «Время фазана» и Урса Йегги «Soulthorn» 176	176

<i>В. Н. Ахтырская.</i> Центральные и периферийные аспекты поэтики травелога на примере книги В. Г. Зебальда «Кольца Сатурна»	185
---	-----

Лингвистика

<i>А. В. Павлова, В. М. Павлов.</i> Ядро и периферия в семантической структуре лексического значения в свете сопоставления переводных эквивалентов в немецком и русском языках	193
<i>Ernest W. B. Hess-Lüttich.</i> Textsorte Moderation. Zu ihren kommunikativen Funktionen in Berner Lokalradio-Sendungen	206
<i>К. А. Филиппов.</i> Лингвистика текста в Германии и России: К вопросу о центре и периферии лингвистических изысканий	220
<i>В. Т. Двинская.</i> Явления аналогии и аналитизма в современном немецком языке как результат межуровневых взаимодействий центра и периферии	230
<i>V. M. Bucharow.</i> Zentrum, Peripherie, Konzept aus phonetischer Sicht	239
<i>О. А. Нуждина.</i> Проблема произносительной нормы в аспекте центра и периферии	244
<i>С. М. Панкратова.</i> Центр и периферия во фразеологии	252
<i>Т. Н. Александрова.</i> Аспектуальность в поле, сетке и тексте немецкого языка	261
<i>M. N. Volodina.</i> Sprache der Massenmedien als Ausdruck sprachlicher Realität	269
<i>А. В. Кокова.</i> Соотношение центра и периферии как проблема формирования стилистических норм немецкого газетно-публицистического стиля	275
<i>А. Ю. Щипуцина.</i> Функционирование компьютерной лексики в немецких компьютерных и общественно-политических СМИ	283
<i>P. С. Аликаев.</i> Особенности вербализации философских концептов в немецких научных текстах эпохи раннего Просвещения	291
<i>А. Г. Пастухов.</i> Прагматика информирования в «Tatsachen über Deutschland»: анализ типа текста	303
<i>Н. Д. Светозарова.</i> О чем пели российские немцы: варьирование инципитов в песенном фольклоре немцев-колонистов (на материале собрания В. М. Жирмунского)	312
<i>А. И. Москалюк.</i> Островные диалекты как форма существования немецкого языка	323
<i>О. В. Байкова.</i> Иноязычный акцент в русской речи российских немцев Кировской области	331
<i>P. M. Скорякова.</i> Наименования профессий в немецком разговорном языке (лингвокогнитивный аспект)	338
<i>М. Б. Чиков.</i> О родственности семантических категорий (на материале немецких префиксальных глаголов)	346
<i>P. И. Бабаева.</i> О выделении «вводных» слов как самостоятельного класса (на материале немецкого и русского языков)	353
<i>С. Т. Нефёдов.</i> Модальные слова и выражения в древневерхненемецких текстах	362
<i>С. Ю. Потапова.</i> Неофициальная номинация лица в современной немецкой прессе	373

Рецензии

- А. Б. Копчук.* Рец. на кн.: *Маркина А. Г., Муравлева Е. Н., Муравлева Н. В.*
«Культура Германии: Лингвострановедческий словарь».
Kultur Deutschlands: Realienwörterbuch. М.: АСТ; Астрель;
Хранитель, 2006. 1181 с.: ил. 381
- Н. Н. Трошина.* Увлекательная лингвокультурология. Рец. на кн.:
Быкова О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации
(на материале номинативных единиц немецкого языка).
Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. 277 с. 386

ОТ РЕДАКЦИИ

«Центр и периферия в литературе, языке и науке» — эта тема была выбрана для 4-го съезда Российского союза германистов, прошедшего 23—25 ноября 2006 г. в Санкт-Петербурге и привлекшего 130 докладчиков из 40 городов России и 7 зарубежных стран (Австрия, Бельгия, Германия, США, ЮАР, Украина, Швейцария). Пленарные и секционные заседания проходили в Санкт-Петербургском государственном университете, Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена и Институте лингвистических исследований РАН, в научных центрах, теснейшим образом связанных с зарождением и развитием отечественной германистики. Президиум РСГ благодарен сотрудникам этих учреждений, взявшим на себя немалый труд по организации и проведению нашего форума.

Президиум РСГ благодарит за поддержку этого научного события немецкую службу академических обменов (DAAD, Бонн) и Австрийский культурный форум при Посольстве Австрии (Москва), а также Гете-Институт в Санкт-Петербурге и Швейцарский культурный фонд «Про Гельвеция», способствовавшие оформлению культурной программы съезда.

Выбранная тема оказалась чрезвычайно актуальной для германистического сообщества страны, переживающей сложные процессы централизации/децентрализации культурного пространства, его ресурсов и «символического капитала». Для российских германистов-«зарубежников» методологически важным предстало отношение их науки к центрам «производства» и изучения немецкого языка и литературы. Соотношение центра и периферии в немецкоязычных культурах, явленных в слове, динамика культурных процессов, определяемая сложным взаимодействием центробежных и центростремительных сил, семантика периферийности, проблемы локализации, смещения, полицентричности — эти вопросы вызвали живой теоретический спор.

тический и исторический интерес ученых и с разной степенью остроты были поставлены в их докладах. Вероятно, продуктивной «порождающей рамой» для научных дискуссий послужил и «петербургский контекст», своеобразный «гениус лоци» города, предстающего одновременно и центром, и периферией в культурно-исторической системе координат.

Публикация докладов 4-го съезда — ввиду их многочисленности — также в каком-то смысле затрагивает проблему «центра-периферии»: в концентрированном виде доклады вошли в предлагаемый Вашему вниманию четвертый том «Ежегодника РСГ», а также в сборник «Материалов 4-го съезда РСГ», публикуемых Кабардино-Балкарским государственным университетом. Часть докладов опубликована на сайте Российского союза германистов <http://www.daad.ru/rsg/>. Отдельные доклады приняты для публикации в межвузовские научные сборники университетов России. На сайте РСГ будут представлены данные обо всех опубликованных работах.

Первый раздел тома «Ежегодника» («Литературоведение») открывается статьями, освещающими теоретическую сторону проблемы взаимоотношений центра и периферии. Н. Т. Рымарь изучает процесс трансформации периферийных и центральных элементов художественного текста. На материале эстетической теории Бодмера и Брейтингера А. И. Жеребин ставит вопрос о формировании инновативных концепций культуры «модерна» из перспективы «регионального» языкового сознания. Разграничению понятий «модерн» и «модернизм» посвящена статья А. Г. Березиной. В центре работы Х. Бируса — попытка освещения роли теоретических достижений Романа Якобсона и возвращения их с периферии научного интереса в центр современной литературоведческой мысли. Взаимоотношению канонических, деканонических и неканонических форм литературных явлений посвящены статьи Т. А. Федяевой и Х.-Й. Кноблоха.

Историко-литературные публикации группируются вокруг нескольких проблем. Внимательному анализу подвергается поэтика конкретных литературных произведений и соотношение в них «центральных» и «периферийных» элементов (работы Е. В. Бурмистровой, М. Дурцака и В. Н. Ахтырской). Исследуется динамика и эстетические результаты творческих процессов внутри и вне признанных центров литературы (статьи А. В. Ерохина, Л. Н. Полубояриновой, Н. В. Пестовой, В. Г. Зусмана). Тематизации «центра» и «периферии» в творчестве отдельных писателей посвящены публикации Е. А. Панковой, Н. С. Павловой, Н. А. Бакши. Рецепционно-публикационные процессы как в немецкоязычном культурном пространстве, так и за его пределами изучают Г. В. Стадников, А. С. Балалов, О. Б. Кафанова.

В лингвистический раздел тома включены статьи, связанные с обсуждавшимися на конференции общими и частными проблемами

соотношения центра и периферии в немецком языке и аспектами их изучения в современной германистике.

Тематика статей отражает многослойность проблемы соотношения центра и периферии в лингвистике, разнообразие сфер реализации этих отношений и особенностей форм взаимодействия в языке — в диапазоне от системно-структурных феноменов до лингвокультурных. Материалы показывают также, что полевой подход в лингвистической германистике продолжает оставаться актуальным и эффективным; он расширяет зону своего применения как универсальный метод описания языка в разных ипостасях и функциях.

Взаимодействие центра и периферии на разных уровнях системы немецкого языка — фонетическом, синтаксическом, фразеологическом, семантическом, стилистическом — рассматривается в статьях В. Т. Двинской, В. М. Бухарова, О. Л. Нужиной, С. М. Панкратовой, Т. Н. Александровой, А. В. Павловой и В. М. Павлова, М. Б. Чикова. Исторические аспекты проблемы взаимодействия центра и периферии рассматриваются в статьях А. В. Коковой, Р. С. Аликаева, С. Т. Нефедова. Специфике соотношения центра и периферии в современных СМИ посвящены статьи М. Н. Володиной, Л. Ю. Щипициной и С. Ю. Потаповой.

В сборнике представлены исследования, связанные с изучением активных процессов в некоторых периферийных жанрах текста и их языковых особенностях (статьи Э. В. Хесс-Люттиха и А. Г. Пастухова). Особую группу образуют статьи о диалектных областях России как языковой периферии, сохраняющей реликты прежней языковой культуры (статьи Н. Д. Светозаровой, Л. И. Москалюк, О. В. Байковой).

Вопросы центра и периферии обсуждаются на метаязыковом уровне применительно к такой дисциплине, как лингвистика текста в ее двух национальных версиях — немецкой и русской (статья К. А. Филиппова). И наконец, в поле зрения германистов попали и отдельные явления разговорного языка, которые имеют статус периферийных, но демонстрируют в современной немецком языке активное поведение (статьи Р. М. Скорняковой и Р. И. Бабаевой).

В сборник включена рецензия на фундаментальный труд «Культура Германии. Лингвострановедческий словарь», выполненный коллективом авторов под общей редакцией Н. В. Муравлевой.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н. Т. РЫМАРЬ

(Самарский государственный университет)

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПЕРИФЕРИИ В ЦЕНТР: «РАМА» И «ПОРОГ» КАК ФОРМЫ СЮЖЕТНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ

Основная часть нашей жизни протекает бессобытийно — в том смысле, что в ней происходят события, заранее известные и повторяющиеся, образующие определенный, готовый ритм. В этом отношении к жизни можно применить понятие, выработанное Ю. М. Лотманом по отношению к тексту: понятие бессюжетного или классификационного текста¹, в котором все движения происходят в рамках готовых упорядоченностей, в рамках заданных границ. Художественное произведение делает эту реальность бессюжетной жизни — сюжетной², поэт находит в ней нечто «интересное», не укладывающееся в готовую структуру³ — он или углубляется во внутренний мир личности, или каким-то образом драматизирует эту жизнь, «интересно» развертывая отдельные ее моменты и таким образом выводя ее течение за пределы предзаданности. На этом строится сюжетное развертывание⁴ романа, природа которого во многом определяется противостоянием традиции тому, что традиция считает существенным и закономерным жизненным порядком, то есть «центром». Роман сосредоточивает свое внимание на деталях и обстоятельствах, которые с точки зрения авторитета традиции являются случайностями частной жизни, чем-то второстепенным и «периферийным». Так, Фридрих Теодор Фишер

¹ См.: Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 226—234.

² Ср.: «Сюжетный текст строится на основе бессюжетного как его отрицание». — Там же. С. 227.

³ Ср.: «Художественный образ строится не только как реализация определенной культурной схемы, но и как система значимых от нее отклонений, создаваемых за счет частных упорядоченностей». — Там же. С. 241.

⁴ См. о таком понимании романного сюжетного развертывания: Рымарь Н. Т. Поэтика романа. Саратов, 1990. С. 26—46.

говорил о романном поиске «зеленых мест» в прозаическом миропорядке («grüne Stellen»); таковы, например, ситуации — «отмстителя прозе обстоятельств за живого человека»¹, а также «узкий круг семьи, частного бытия, индивидуальности, внутреннего мира»². Кажется, и вправду можно сказать, что с точки зрения общего порядка жизни, исторического процесса, а в особенности традиционалистского типа культуры, стихийным, «природным» критиком которого несомненно является роман, это обстоятельство большей частью периферийного характера. С точки же зрения поэта — это как раз главное в жизни, ее истинный центр, а остальное — филистерство, скучная периферия истинной жизни, жизнь неполная и по сути ущербная.

Искусство сосредоточивается главным образом на чем-то, что нарушает порядок бессюжетной структуры, что и порождает сюжетное движение — «пересечение той запрещающей границы, которую утверждает бессюжетная структура»³, образующая авторитетный для культуры ценностный центр. Это — движение от поверхности общего миропорядка в глубину, во внутреннюю жизнь, которая проявляется больше в несущественных для общего хода жизни мелочах. Так, Шопенгауэр писал, что задача романа — сделать мелочи жизни интересными. Говоря словами Гегеля, это фактически означает добыть из них утраченную поэзию.

Выйти за границы бессюжетной «нормальной обыденности», сосредоточиться на периферийных ее моментах в искусстве означает выйти к «центру». Повествовательный текст так и строится: господство центра — это пространство бессюжетной структуры — взламывается, чтобы найти пограничные — «горячие точки», в которых открывается незавершенное, противоречивое движение жизни, обнаруживающее ее внутренний драматизм, энергию ее самопроявления. Специфической для искусства формой взламывания поверхности бессюжетного текста является изоляция⁴ и разработка отдельных его моментов, позволяющая освободить их из функциональной связи в системе готовой упорядоченности, осуществить сюжетное развертывание их внутреннего потенциала.

Таким образом, доклад посвящается специальному аспекту проблемы «центр — периферия». Речь пойдет об изолирующих границах в строении литературного произведения: о взаимодействии рамы — об-

¹ Vischer F. T. Ästhetik oder Wissenschaft des Schönen. Stuttgart, 1857. Dritter Teil. 2. Abschnitt. Die Dichtkunst. S. 1305.

² Ibid. S. 1303—1306.

³ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 228.

⁴ См.: Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 59—61; Медведев П. Н. (М. М. Бахтин): Формальный метод в литературоведении. М., 1993. С. 31—33; Мукаржовский Я. Эстетическая функция, норма и ценность // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. С. 55—56.

рамляющего текста — и обрамленного текста (*Binnenerzählung*)¹, а также о поэтике порога как одной из функциональных форм границы в художественном языке.

Рама представляет собой одну из функциональных форм изолирующей границы, она «отрешает», то есть отграничивает функциональную действительность от реальности. Эту функцию рамы картины анализировал Георг Зиммель. Он исходил из того, что рама картины обеспечивает эстетическую автономность произведения живописи, создавая завершение, «которое в *одном* акте равнодушно отталкивает внешнее и объединяет в единство внутреннее»². В контексте рассматриваемой проблемы самое важное в бахтинском понимании отрешения или изоляции то, что изоляция освобождает внутреннюю активность, заключенную в элементе текста культуры и позволяет ему явить себя в своей собственной сущности, «высказать себя», чтобы стало возможным его завершение.

Как и всякий акт изоляции, рама эстетически выделяет некое содержание, создавая определенную смыслообразующую перспективу. В этом заключается эстетический дар рамы отрешенному фрагменту действительности, и этот дар — собственно дар другого — творит эстетическое завершение. Рама произведения в литературе — это разнообразные тексты (паратексты), обладающие своей семантикой — названия произведений, указания на жанр, авторские предисловия, заголовочные комплексы, время и место создания стихотворения и др. Эти тексты создают особую коммуникативную ситуацию между художником и действительностью, они формируют точку зрения читателя, обуславливающую восприятие текста в определенной перспективе³. Текст обрамления создает завершающую перспективу на внутренний (вставной) текст, что предполагает наличие точки зрения субъекта или наблюдателя, внешней по отношению к тексту, — находится ли она во внешней для произведения действительности или внутри произведения.

Эта позиция внеаходимости, как известно, является одним из важнейших условий эстетического события, в котором и рождается произведение, и она делает возможным продуктивное перспективистское обрамление вставного текста. «Изнутри себя самое жизнь не может породить эстетически значимой формы, — пишет М. Бахтин. — Лишь

¹ См.: *Рымарь Н. Т.* О завершающей функции рамы в литературном произведении // Рама и граница. Rahmen und Grenzen / Граница и опыт границы в художественном языке. Самара, 2006. Вып. 3. С. 19—33.

² *Simmel G.* Der Bildrahmen. Ein ästhetischer Versuch // *Simmel G.* Vom Wesen der Moderne. Essays zur Philosophie und Ästhetik. Hamburg, 1990. S. 252. См. русский перевод этой статьи: *Зиммель Г.* Рама картины. Эстетический опыт // Граница как механизм смыслопорождения. Grenze als Sinnbildungsmechanismus. Самара, 2004.

³ См.: *Плумле Г.* Различение рам: Тезисы // Рама и граница. Rahmen und Grenzen. С. 6—7.

поскольку я выступлю за ее (жизни) пределы, займу «твердую позицию вне ее, активно облеку ее во внешне значимую плоть, окружу ее трансгредивными ее предметной направленности ценностями, ... жизнь загорится для меня трагическим светом, примет комическое выражение, станет прекрасной и возвышенной».¹ Именно позиция внаходимости делает возможным обрамление — перспективирующую изоляцию определенного текста.

Вместе с тем мир повествовательной рамы и мир обрамленного повествования оказываются в диалогических отношениях между собой: например, в новелле XIX в. рама, будучи периферией новеллы, занимает внешнюю позицию по отношению к включенному в нее рассказу (рассказчик в данный момент не является участником действия, а видит всю историю как целое), потому что между событием рассказывания и рассказываемой историей нет непосредственной событийной связи. Поэтому оба события — событие рассказывания и рассказываемое событие — относительно автономны по отношению друг к другу, и поэтому обе стороны неизбежно рефлектируют и перспективируют друг друга. Действительность, изображаемая в обрамляющем повествовании, большей частью имеет все признаки незавершенной, непросветленной действительности — это как бы «сырая», реальная жизнь «открытого события бытия», в котором, как правило, случай определяет саму возможность «рассказа по поводу» — в случае т. н. *Gesellschaftsrahmen*, или когда повествование строится, как в новелле Теодора Шторма «Иммензее» или в «Между небом и землей» Отто Людвига.

Обрамление изолирует определенный момент или определенные, часто скрытые и неявные возможности этой незавершенной жизни, в общем потоке которой и происходит акт рассказывания истории. На фоне незавершенной, хаотической действительности (стоит напомнить рамы у Боккаччо — в «Декамероне» или в «Амето») формируется изолированный, мотивированный перспективой обрамляющего повествования и отчасти уже потому обладающий единством и определенной завершенностью другой, второй нарративный мир (*Binnenerzählung*), который «первой», как бы внешней действительности противопоставляет завершенный, обладающий внутренним единством мир нарративно упорядоченного обрамленного *произведения*.

Рассказ внутри обрамляющего рассказа, обладая целостным внутренним смыслом, противостоит как бы «действительности» рамочного повествования как бессюжетного текста — «взламывая» и этот текст, и реализуемый в нем определенный нарратив культуры. Таким образом, внутри одного произведения создается другое, и эта ситуация произведения в произведении, рамы в раме потенцирует, градуально умножает энергию эстетического акта, радикализует, делает более активным переживание творческого акта, создающего, с одной стороны,

¹ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 63.